

1855.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ ТИФЛИСѢ: въ Типографіи, что на Александровской площади, а также въ Редакціи въ квартирѣ Редактора, и въ Тифлисской Почтовой Конторѣ. ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ: въ Газетной Экспедиціи С. Иерерба. Почтамта. ВЪ МОСКВѢ: въ Газетной Экспедиціи Московскаго Почтамта. Во всѣхъ Губернскихъ Почтовыхъ Конторахъ.

КАВКАЗЪ

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Годовое изданіе съ пересылкою 4 р. 50 к.
Полугодовое 4 . 50 к.
Объявленія печатаются съ цѣною за каждую букву по 1/2 коп. серебромъ.

14 Декабря,

СРЕДА.

СОДЕРЖАНІЕ:

КАВКАЗЪ. Тизисъ. Движеніе торговли. Извѣстія изъ Азіатской Турціи. ФЕЛЬЕТОНЪ. IV-е письмо стараго театралла о тифлисскомъ театрѣ. УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ. Растительность, сады и садоводство въ Ижеретіи (продолженіе).

За неполученіемъ нѣсколькихъ экстра-почтъ изъ Россіи, съ сегодняшнемъ номеръ не помѣщается ни внутреннихъ, ни иностранныхъ извѣстій.

КАВКАЗЪ.

Тифлисъ. Его Высокопревосходительству, Г. Главнокомандующему угодно было, 10 числа настоящаго мѣсяца, пригласить къ своему столу пребывающихъ здѣсь военно-плѣнныхъ Англичанъ, именно: генерала сэра *Вилліамса*, инженеръ-подполковника *Лека* и капитана *Томпсона*. А въ послѣдующіе дни равномерно имѣли честь обѣдать у Его Высокопревосходительства турецкіе военно-плѣнные: главнокомандовавшій анатолійскою арміею, муштръ *Васифъ-паша*; начальникъ штаба той арміи *Керимъ-паша*, генералъ-майоры: *Гафизъ-паша*, *Ахмедъ-Тоуфикъ-паша* и *Гуссейнъ-паша*.

— Декабря 9-го прибыли изъ Александрополя: двѣ роты 3-го резервнаго сапернаго баталіона, подъ командою полковника *Жукова*, въ числѣ 11-ти штабъ и оберъ-офицеровъ и 403 человекъ нижнихъ чиновъ; 1 эскадронъ Драгунскаго Генералъ-Фельдмаршала Князя Варшавскаго, Графа Паскевича-Эриванскаго полка, подъ командою штабъ-капитана *Набля*, въ числѣ 4-хъ оберъ-офицеровъ и 114 человекъ нижнихъ чиновъ; дивизионъ 5-й артиллерійской батареи, подъ командою штабъ-капитана *Карова*, въ числѣ 2-хъ оберъ-офицеровъ и 77 человекъ нижнихъ чиновъ, и военно-плѣнные турецкой службы: штабъ-офицеровъ 6, оберъ-офицеровъ 69, нижнихъ чиновъ 908, въ сопровожде-

ніи конвой подъ командою штабъ-капитана *Колшескаго*. — 11-го декабря, прибыли изъ Карса военно-плѣнные турецкой службы: штабъ-офицеровъ 8, оберъ-офицеровъ 67, молль 4 и нижнихъ чиновъ 763 человекъ; конвой, сопровождавшій военно-плѣнныхъ, состоялъ подъ командою подполковника *Пудыло*.

10-го декабря, выступилъ изъ Тифлиса въ Елисаветополь дивизионъ Драгунскаго Его Королевскаго Высочества Принца Виртембергскаго полка, подъ командою подполковника *Барковскаго*, въ числѣ 9-ти штабъ и оберъ-офицеровъ и 327 человекъ нижнихъ чиновъ. 11-го числа выступили: на Царскіе колодцы дивизионъ батарейной № 5-й батареи 21-й артиллерійской бригады, подъ командою штабъ-капитана *Карова*, въ числѣ 2-хъ оберъ-офицеровъ и 70 человекъ нижнихъ чиновъ, и въ Душетъ 2 роты 3-го резервнаго Сапернаго баталіона, подъ командою полковника *Жукова*, въ числѣ 10 штабъ и оберъ-офицеровъ и 397 человекъ нижнихъ чиновъ. — 12-го числа выступилъ въ сел. Орловку 1-й эскадронъ Драгунскаго Генералъ-Фельдмаршала Князя Варшавскаго, Графа Паскевича-Эриванскаго полка, подъ командою штабъ-капитана *Набля*, въ числѣ 4 оберъ-офицеровъ и 114 человекъ нижнихъ чиновъ.

Нуха. (Изъ письма въ Редакцію)... Сочувствуя всему, что только есть роднаго русской души, не одно событіе, сообщенное вашею газетою, читали мы, Нухинцы, съ восторгомъ и передавали другъ другу съ сердечной радостью. Теперь и мы, въ свою очередь, просимъ передать читателямъ вашей газеты нашу неописанную радость,

когда прочитанъ былъ нами приказъ нашего Главнокомандующаго о покореніи Карса. Описать вамъ то мгновеніе всеобщей радости, когда всѣ военныя и гражданскія должностныя лица и прочія сословія Нухи извѣстились о дарованной русскому оружію побѣдъ, трудно; но я постараюсь это сдѣлать, замѣнивъ искусство и краснорѣчіе точностью описанія.

На-канунъ 26-го ноября, кавалерскаго праздника Св. в.-м. Георгія—получена была всегда педерѣливо здѣсь ожидаемая ваша газета и, развернувъ её, мы прочли, что Карсъ не устоялъ противу русскаго оружія. Въсть эта сообщалась всѣмъ намъ, военнымъ, съ быстротою электричества и мы въ тотъ же вечеръ всѣ отправились къ его сіят—ву г. управляющему Нухинскимъ уѣздомъ и военною частію, кн. Р. Д. Тарханъ-Моуравову, всѣми любимому и уважаемому начальнику, чтобъ тотчасъ же поздравить его сіят—во съ многорадостнымъ извѣстіемъ. Принявъ наше сердечное поздравленіе, князь отдалъ приказаніе, чтобы на слѣдующій день, 26 ч., назначить для церемоніала сводный баталіонъ, составляющій подвижную колонну Нухинскаго летучаго отряда. Въ рядахъ баталіона находились всѣ кавалеры ордена Св. в.-м. Георгія, а командованіе имъ предоставлено было начальникомъ нухинскаго летучаго отряда, нухинскому воинскому начальнику подполковнику *Вечею*, какъ кавалеру ордена Св. Георгія за 25 лѣтъ, и прежде служившему въ Мингрельскомъ полку, котораго двѣ роты составляли теперь полубаталіонъ колонны. По прибытіи полковника кн. Тарханъ-Моурава на мѣсто, гдѣ былъ построенъ баталіонъ, послѣ обычныхъ привѣтствій, прочитанъ приказъ

ФЕЛЬЕТОНЪ.

ПИСЬМА СТАРАГО ТЕАТРАЛА

О ТИФЛИССКОМЪ ТЕАТРѢ.

Письмо IV.

Народный грузинскій театръ.

(посвящ. князю Г. Д. Эристову)

... Чтобы представить вамъ нѣсколько сужденій о дѣлѣ, близкомъ для васъ, какъ для основателя грузинскаго театра, надобно повести рѣчь немножко издалѣка...

Тифлисскій кварталъ, простирающійся отъ старой почтовой улицы почти вплоть до Эриванской площади, какъ вамъ извѣстно, занятъ такъ-называемымъ *Русскимъ* или *Солдатскимъ базаромъ*. Базарная площадь, обставленная съ одной стороны мебельными лавками, а со всѣхъ прочихъ кое-какими овощными и мелочными лавочками, пуста и тиха въ продолженіе цѣлой недѣли. Изрѣдка въ будни можно встрѣтить здѣсь шумную толпу, около общественнаго въсовъ спорящую за лишній фунтовой привѣсокъ, или, по субботамъ, услышать хоробую пѣсню *Ижеретилмушей* (носильщиковъ тяжестей), которые любятъ здѣсь оканчивать свою трудовую недѣлю пѣснями и скуднымъ пированьемъ... Но по воскресеньямъ Солдатскій базаръ дѣлается настоящимъ базаромъ, шумнымъ и многолюднымъ торговымъ сборищемъ. Это нашъ русскій *толкучій рынокъ*, въ толкотнѣ и тѣсотѣ не уступающій первенства никакому толкучему рынку въ мірѣ. Вся масса толкающагося здѣсь народа состоитъ, какъ и на всякомъ рынкѣ, изъ *потребителей* и *производителей*. На этомъ основаніи, весьма интересно базарное общество. Въ какіе нибудь два-три часа здѣсь можно изучить съ одной стороны всѣ источники городского продовольствія, а съ другой—всѣ потребности тифлисскихъ жителей. О тѣсахъ, костюмахъ и

мѣстныхъ особенностяхъ купли и продажи и говорить нечего; всё это преисполнено оригинальности, а слѣдовательно и занимательности. На солдатскомъ базарѣ главную роль играютъ произведенія солдатскихъ досуговъ: мебель, обувь и разныя мелочи нехитраго портняжества. Бравый солдатикъ нашъ здѣсь развиваетъ всю свою изворотливость, мастерски продаетъ товаръ лицомъ, а другой разъ, являсь на базаръ безъ всякаго товару, покупаетъ и перепродаетъ чужой товаръ самымъ гениальнымъ образомъ: начнетъ съ продажи старыхъ сапожныхъ голенищъ, за которыя получить не болѣе абазы, а кончитъ гусемъ или индѣйкой, приобретенной на деньги, постепенно прирастающій къ абазу посредствомъ удачной купли и перепродажи, и глядишь, возвращается домой съ четырьмя, а въ хорошій день такъ и съ шестью абазами.

Не менѣе заслуживаютъ замѣчанія продолжительные, наприженные, по-истинѣ дипломатическіе переговоры между азиатскими продавцами, Армянами или Грузинами, и нашими русскими покупателями изъ класса дебѣлыхъ и краснощочкихъ *тетушекъ*, которыя и здѣсь, какъ вездѣ на Руси, до того отличаются умѣемъ *приторговываться*, что въ нихъ никакъ не отличишь покупательницу отъ торговки. Такая покупательница никакъ не хочетъ понять, что продавецъ-Армянинъ не понимаетъ трехъ-четвертей ея доказательствъ. А ужъ съ какимъ жаромъ, съ какимъ краснорѣчіемъ доказываетъ она ему, что его товаръ никакуда не годится, и что она только такъ, неизвестно почему, рѣшается купить его...—Ни карашо, зачѣмъ покупать?—законочески замѣчаетъ продавецъ; но это не останавливаетъ раскраснѣвшуюся *тетушку*: она чуть-чуть не бранится, а все-таки увивается около товара и наконецъ паянеть, а все-таки купить.

Но подобныхъ сценъ много на солдатскомъ базарѣ.

Вотъ, напримѣръ, порядочно одѣтый господинъ, которому нужно обзавестись дешевой мебелью. Дѣло, кажется, совсѣмъ простое, не хитрое; но отчего онъ такъ робко оглядывается по сторонамъ? Зачѣмъ такъ низко нахлобучилъ на глаза шляпу? Почему избегаетъ поклониться своему знакомому? Потому, что ему *совсѣмъ* бытъ замѣченнымъ на *солдатскомъ базарѣ*; потому, что онъ ни за что не хотѣлъ бы быть уличенъ въ покупки *дешевой* мебели. Эго, изволите видѣть, изображеніе мелочнаго тщеславія и малодушія...

А вотъ другой господинъ: онъ роется въ кучѣ разрозненнаго продажнаго книжнаго хлама и съ видомъ *ученаго* знатока,—Богъ въсть для чего, покупаетъ затасканный VII-й томъ *Энциклопедическаго Лексикона*... Эго противуположность извѣстному пѣтуху съ жемчужнымъ зерномъ: пѣтухъ не умѣлъ отбить найденнаго сокровища, а этотъ господинъ, напротивъ, наткнулся на разрозненную книгу и думаетъ, что нашелъ жемчужину. Видно, еще не всѣмъ пѣтухамъ посчастливилось явить своихъ *Ляфонтеновъ* и *Крыловыхъ*!

А вотъ... Но я чувствую, что моя панорама готова принять видъ ходячихъ панорамъ, извѣстныхъ на Руси подъ именемъ *райковъ*, въ которыхъ каждая картина сопровождается объясненіемъ, непременно начинающимся съ слова *а вотъ*... Избѣгая невыгоднаго для меня сходства, перехожу къ главному предмету моего сегодняшняго разсужденія.

Посмотрѣвшись вдоволь на базарныя сцены (которыя могли бы дать столько хорошей пищи вашей сценическаго музѣ!), я поспѣшилъ принять участіе въ *народномъ* зрѣлищѣ. Надо вамъ сказать, что это было еще вѣдомъ прошедшаго года, и что въ то время на солдатскомъ базарѣ развѣвался флагъ какого-то забѣгаго акробата и фокусника,

Г. Главнокомандующаго, а послѣ церемональнаго марша, произведено нѣсколько построений и штурмовая колонна направлена на строения, занимаемая присутственными мѣстами. Надобно было видѣть, съ какою стройностью шла эта колонна на приѣрный штурмъ, подъ командою начальника, съ которымъ большая часть офицеровъ и солдатъ Мингрельскаго полка не одинъ разъ ходила на штурмъ дѣйствительный, на врага, а не на мирныя зданія... И съ какимъ восторженнымъ любопытствомъ слѣдила за движеніемъ колонны толпа собравшагося народа изъ туземцевъ! По окончаніи парада, его сіят — ву, командующему отрядомъ, угодно было пригласить къ себѣ на обѣдъ всѣхъ георгіевскихъ кавалеровъ какъ изъ гг. офицеровъ, такъ и изъ нижнихъ чиновъ. Кавалеры были размѣщены между прочими присутствующими и, по просьбѣ князя, каждый гость-хозяинъ долженъ былъ заботиться объ угощеніи храбраго сосѣда. Щедрость настоящаго хозяина и знаніе, что именно любо русскому человѣку, доставили намъ отличный обѣдъ, а кахетинское, разливаемое въ изобиліи, веселило душу и сердце русскаго человѣка. Послѣ тоста за здоровье Государя Императора и всей Августѣйшей Фамиліи, сопровождаемаго единодушнымъ, троекратнымъ ура! былъ провозглашенъ тостъ за здоровье виновника настоящей радости нашей, Его Высокопревосходительства Господина Главнокомандующаго. За тѣмъ намъ достойный хозяинъ предоставилъ провозгласить послѣдующіе тосты одному изъ кавалеровъ-солдатъ, сидѣвшихъ возлѣ князя. Храбрый воинъ, никогда не задумывавшійся въ бою, нашелся и въ мирной бесѣдѣ. Первый тостъ онъ предложилъ за здоровье начальника летучаго отряда, князя Р. Д. Тарханъ-Моуравова, потомъ за бывшаго своего баталіоннаго командира подполковника Вечей и наконецъ за все храброе русское воинство и за славу русскаго оружія! Всѣ тосты были приняты съ громкимъ ура, потому что всѣ присутствующіе истинно и глубоко имъ сочувствовали.

Послѣ обѣда, его сіят — ству угодно было еще повеселить храбрыхъ воиновъ-гостей своихъ, и случай, какъ нарочно, этому благоприятствовалъ. Наканунѣ пріѣхала къ намъ труппа волтижеровъ и содержатель ея, г. Лоббе, по предложенію князя, далъ въ его залѣ небольшое представленіе; искусство нѣкоторыхъ акробатовъ и милые танцы маленькой Матильды Лоббе довершили удовольствія этого дня, посвященнаго отдохновенію и празднованію новаго торжества русскаго оружія.

Жители столицъ и большихъ городовъ, имѣя всегда возможность найти для себя развлеченія, не

знаютъ, что такое однообразіе уединенной жизни въ глуши маленькихъ городовъ, гдѣ чувства и воображеніе сколько нибудь мыслящаго человѣка, часто замираютъ, какъ ласточки подъ кровлей во время непогоды; поэтому столичные жители не поймутъ, какую цѣну для насъ, жителей отдаленнаго города Закавказья, имѣютъ праздники, подобные описанному, и какъ отъ полноты души были мы всѣ благодарны нашему доброму хозяину-начальнику за доставленіе намъ случая достойно отпраздновать день великой всеобщей радости.

ДВИЖЕНІЕ ТОРГОВЛИ ВЪ ЗАКАВКАЗСКОМЪ КРАѢ, въ октябрѣ 1855 года.

Привезено: бумажныхъ издѣлій на 138,213 р. 1 к. сер.; шелковыхъ на 31,217 р. 92 к., табаку на 6,375 р. 60 к., фруктовъ на 50,404 р. 55 к., скота на 9,676 р. 90 к., прочихъ товаровъ на 54,227 р. 46 к. — итого на 290,115 р. 44 к. Вывезено: шелку-сырцу на 47,747 р., металлическихъ издѣлій на 13,432 р. 50 к., нефти на 7,285 р., шелковыхъ издѣлій на 2,599 р., прочихъ товаровъ на 16,266 р. 65 к. — итого на 87,330 р. 15 к. Пошлинъ съ привозныхъ европейскихкихъ и азіатскихъ товаровъ поступило 17,454 р. 80³/₄ к. Монеты вывезено 297,643 р. 35 к. Каравановъ прибыло 105, отошло 77. Судовъ прибыло 7, отошло 20.

Извѣстія изъ Азіатской Турціи. (Письма корреспондента газеты «Кавказъ».) XLIV.

5-го декабря, на пути изъ Владикарса къ Тифлису.

Въ бытность свою въ Александрополь, Г. Главнокомандующій получилъ донесеніе объ изъявленіи покорности Ольтинскимъ и Гельскимъ сандаками; это достигнуто слѣдующимъ образомъ: полковнику Лорисъ-Меликову, назначенному нынѣ областнымъ начальникомъ Карскаго пашалыка и части Эрзрумскаго, и о которомъ часто упоминалось въ письмахъ моихъ, поручено было Г. Главнокомандующимъ привести въ покорность Ольтинскій и Гельскій санджаки.

По объявленіи мѣстному управленію сихъ санджаковъ воли Его Высокопревосходительства, и по причинѣ нескорого прибытія старшинъ, полковникъ Лорисъ-Меликовъ послалъ туда 3 сотни Карапанаховъ, жителей покорившихся намъ въ прошломъ году турецкихъ деревень и добровольно поступившихъ на службу.

Съ летучимъ отрядомъ этимъ былъ посланъ Ширинъ-Бекъ (*), который по прибытіи въ Ольту узналъ, что почетные жители сего города отправили уже въ Карсъ съ Бардусскимъ старшиною 2-хъ

(*). Родомъ Гуріецъ, съ молодыхъ лѣтъ поступившій въ турецкое подданство. Онъ находился подъ надзоромъ Турокъ, подозрѣвавшихъ его въ сношеніяхъ съ нами, и освобожденъ при взятіи Карса. Это молодой человѣкъ, замѣчательный своею ловкостью и приличной наружностью.

Представленіе началось и кончилось. Какой-то мальчакъ въ грязномъ трико прошелъ раза три на рукахъ, вверхъ ногами, проглотилъ нѣсколько ножей и вилокъ, и минутъ съ пять продержалъ на носу опрокинутый стулъ. Затѣмъ какой-то взрослый господинъ, очевидно антрепренѣръ, — пряталъ и находилъ чужіе карманные часы, стрѣлялъ въ карты, бросалъ до потолка вдругъ двѣнадцать яблоковъ, изъ которыхъ уронило только десять... Но все это не могло отвлечь меня отъ моего зрѣлища: я не могъ налюбоваться зрителями-поселянами и ихъ живѣйшимъ сочувствіемъ къ представленію. Надо было видѣть, какъ всѣ они оживились и развизались; какъ разгорѣлись ихъ прекрасныя, правильныя лица, какъ чистосердечно они смѣялись или удивлялись, съ какимъ сожалѣніемъ выходили вонъ изъ театра, когда кончилось представленіе и антрепренѣръ сталъ зазывать и впускать къ себѣ новую толпу любопытныхъ!..

Я тоже ушелъ съ сожалѣніемъ; но мнѣ жаль было не конца представленія, а этихъ пламенныхъ зрителей, этотъ народъ, столь симпатичный ко всему новому! Мнѣ было жаль, что для его жажды къ зрѣлищамъ нѣтъ въ Тифлисѣ болѣе чистаго источника; что нѣтъ у насъ особаго, дешеваго, общедоступнаго, но настоящаго народнаго театра.

Я вспомнилъ о васъ, и подумалъ, что вы могли-бы пополнить этотъ недостатокъ... На улицѣ, за нѣсколько шаговъ отъ солдатскаго базара, я встрѣтилъ моего пріятеля, писавшаго тогда что-то для газеты «Кавказъ» о Тифлискомъ театрѣ. Я сообщилъ ему мои впечатлѣнія и, черезъ нѣсколько времени, съ величайшимъ удовольствіемъ прочиталъ въ газетѣ статью странствующаго театрала о грузинскомъ театрѣ, и въ ней слѣдующія слова, вполнѣ выразившія мою мысль: «Произведенія едва возникающей грузинской сцены, являясь на однихъ театральныхъ подмосткахъ съ болѣе совершенными произведеніями евро-

пейскаго сценическаго искусства, теряютъ отъ такого, невыгоднаго для нихъ, соимѣстничества, что и доказываются «обычаемъ тифлисской публики пріѣзжать въ театръ равне или позднѣе грузинскихъ спектаклей. Поэтому учрежденіе особаго грузинскаго театра, и притомъ болѣе приспособленнаго къ требованіямъ, нравамъ, а главное — къ средствамъ большинства туземной публики, было-бы благоприятно для укорененія въ нравахъ туземной массы расположенія и сочувствія къ театру, а слѣдовательно и для скорѣйшаго достиженія его цѣли».

Вотъ, почтеннѣйшій князь, какую безконечную рачею довелось мнѣ написать только для того, чтобы сообщить вамъ нѣсколько словъ о нынѣшнемъ грузинскомъ театрѣ, и чтобы объяснить, въ какой мѣрѣ я былъ искренно радъ его возрожденію въ особомъ, отдѣльномъ, самостоятельномъ, короче сказать: въ желаемомъ видѣ. Въ нынѣшнемъ грузинскомъ театрѣ я просто вижу осуществленіе моей мысли, и, прочтя начало этого письма, вы конечно не упрекнете меня въ излишнемъ самохвальствѣ.

Теперь расскажу вамъ, что я знаю о новомъ театрѣ, что меня къ нему привлекаетъ, и что заставляетъ жалѣть о вашемъ отсутствіи. Въ деревнѣ, между хозяйственными хлопотами и зимнимъ однообразіемъ, вамъ не скучно будетъ хоть на полчаса возвратиться къ дѣлу, начатому вами и вами же такъ преждевременно оставленному.

Линившись сначала васъ, а потомъ уступивъ свой изящный пріютъ, т. е. здѣшній театръ, артистамъ русской сцены, грузинскіе пріютились въ караванъ-сарай Вартанова, на Абасъ-Абадской площади, т. е. въ самомъ центрѣ туземной части города, и превратили сарай въ народный театръ. Нѣтъ худа безъ добра, и не впервыя невзгода раждаетъ благоденствіе. На этотъ разъ злополучіе грузинской труппы привело къ возрожденію грузинскаго на-

членовъ междиса и распорядились, дабы доказать свою покорность, отправленіемъ въ станъ Владикарса 300 четв. ячменя, общая постоянная принадлежность полковника Гельскій междисъ съ своимъ кадіемъ (судьею) тоже прибылъ къ полковнику Лорисъ-Меликову и выслалъ къ нашимъ войскамъ 120 аробъ сѣна, — продукта, коимъ изобилуетъ сей санджакъ и въ коемъ всего болѣе встрѣчается необходимость въ станѣ. Такимъ образомъ, все протраство до подошвы по ту сторону Саганлугскаго хребта покорилось нашему оружію и вошло съ нами въ сношенія.

4-го декабря Г-нъ Главнокомандующій изволилъ выехать изъ Александрополя, наутствуемый искренними желаніями счастливаго пути собравшихся жителей и конвоируемый сотнею Шурагельской милиціи.

Въ пути, на станціи Караванъ-Сарайской и далѣе, въ Мугалинской, настигли мы слѣдующихъ въ Тифлисъ военно-плѣнныхъ Турокъ. Переходъ въ столь суровое время года при ихъ обношенной одеждѣ и обуви конечно труденъ, но нельзя не удивляться терпѣнію этихъ, въ полномъ смыслѣ слова, хорошихъ солдатъ. Какъ они, такъ и офицеры не ропщутъ; послѣдніе въ особенности понимаютъ неизбежность недостатковъ въ пути. Первая партія достигла уже Тифлиса, гдѣ имъ приготовлена одежда и откуда они отправятся въ дальнѣйшій путь, снабженные всѣмъ необходимымъ. Тифлискіе жители видѣли артиллеристовъ, вездѣ за ними придутъ Арабистанцы и гвардейскіе стрѣлки. На суровыхъ лицахъ этихъ, заслуживающихъ состраданія, людей можно прочесть только совершенную покорность судьбѣ; офицеры ихъ ведутъ себя хорошо и пользуются уваженіемъ подчиненныхъ. Послѣдними придутъ Анатолийцы.

Кончено дѣло о Карсѣ; но мысли все еще заняты этимъ важнымъ событіемъ и часто приходятъ на память впечатлѣнія того времени. Вотъ, напримѣръ, одно изъ частныхъ событій, которое я давно уже хотѣлъ передать вамъ.

Послѣ штурма 17-го сентября, генералъ Виллиамсъ и турецкіе наши поддерживали духъ карскаго гарнизона увѣреніями, что мы, съ приближеніемъ зимы, испугаемся холодовъ и мятежей и уйдемъ въ Александрополь, открывъ имъ путь въ Эрзрумъ. Но они убѣдились, какъ неосновательны были ихъ предположенія: адъютантъ Виллиамса, Тисдель, отправляясь, передъ сдачею, къ Г. Главнокомандующему въ своемъ красномъ мундирѣ, замѣтилъ около мостика, черезъ который онъ проѣзжалъ, толпу солдатъ въ такой-же красной, но натуральной одеждѣ, купающихся въ рѣкѣ; это было уже во время наступленія сильныхъ холодовъ. Онъ съ удивленіемъ спросилъ, что это за люди и откуда они

«пейскаго сценическаго искусства, теряютъ отъ такого, невыгоднаго для нихъ, соимѣстничества, что и доказываются «обычаемъ тифлисской публики пріѣзжать въ театръ равне или позднѣе грузинскихъ спектаклей. Поэтому учрежденіе особаго грузинскаго театра, и притомъ болѣе приспособленнаго къ требованіямъ, нравамъ, а главное — къ средствамъ большинства туземной публики, было-бы благоприятно для укорененія въ нравахъ туземной массы расположенія и сочувствія къ театру, а слѣдовательно и для скорѣйшаго достиженія его цѣли».

Вотъ, почтеннѣйшій князь, какую безконечную рачею довелось мнѣ написать только для того, чтобы сообщить вамъ нѣсколько словъ о нынѣшнемъ грузинскомъ театрѣ, и чтобы объяснить, въ какой мѣрѣ я былъ искренно радъ его возрожденію въ особомъ, отдѣльномъ, самостоятельномъ, короче сказать: въ желаемомъ видѣ. Въ нынѣшнемъ грузинскомъ театрѣ я просто вижу осуществленіе моей мысли, и, прочтя начало этого письма, вы конечно не упрекнете меня въ излишнемъ самохвальствѣ.

вслѣдствіи водруженій, кажется, надъ обширнымъ балаганомъ, выстроеннымъ на Александровской площади.

Вхожу и прихожу въ восхищеніе... Представьте себѣ, князь, сарай не сарай, комнату не комнату, — однимъ словомъ, помѣщеніе, величиною въ четыре квадратныхъ сажени, раздѣленное на двѣ части, изъ коихъ задняя занята столомъ съ разными таинственными принадлежностями нехитраго жонглёрства, а передняя, обширнѣйшая, уставлена скамьями, на которыхъ помѣщалось уже столько зрителей, что яблоку упасть было-бы некуда, — впрочемъ: мѣсто оставалось еще для шарманки, очевидно олицетворявшей собою оркестръ.

Нечего вамъ объяснять, что для меня зрители были гораздо интереснѣе зрѣлища. И въ самомъ дѣлѣ, я съ величайшимъ любопытствомъ разсматривалъ ихъ въ ожиданіи начала представленія; къ несказанному моему удовольствію, я замѣтилъ, что большинство публики состояло изъ коренныхъ Грузинъ, крестьянъ окрестныхъ деревень, по всей вѣроятности прибывшихъ въ Тифлисъ съ произведеніями своего сельскаго хозяйства, а теперь, послѣ успѣшнаго сбыта, позволившихъ себѣ роскошь наслажденія невиданнымъ имъ зрѣлищемъ. Эти почтенные люди, такъ умно промѣнявшіе удовольствіе духана на гораздо болѣе невинное и трезвое удовольствіе сценическое, сидѣли смиренно, важно, изрѣдка перебрасываясь замѣчаніями вполголоса, и въ этомъ отношеніи составляли противоположность съ другою частью публики: нѣсколькими солдатами, двумя писарями и однимъ почталіономъ. Эти послѣдніе очевидно чувствовали свое преимущество, и потому занимали переднія мѣста, сидѣли не спокойно, громко хохотали, курили папиросы, отпускали острооты, разваливались, выражали нетерпѣніе, — короче сказать, вели себя какъ нѣкоторые молодые театралы, или, какъ настояще les habitués du parterre...

идутъ?—потому, что въ это же время новая толпа, только что выскочившая изъ бани, подходила къ рѣкѣ, вся облитая паромъ, и бросалась въ воду, — и едва повбрызгивъ отъ воды, что солдаты, выпарившись въ банѣ, отираются въ холодную воду для освѣженія себя. Тоже самое зрѣлище случайно представилось на другой день и генералу Вилліамсу, при проѣздѣ его чрезъ построенный нами мостъ, подъ коимъ бани солдаты прохладжались въ рѣкѣ, выскочивши изъ-подъ баннаго вѣнчика. Понятно, что, послѣ этихъ случаевъ, Англичане могли убѣдиться въ возможности продолжать блокаду зимою людямъ, такимъ образомъ закаленнымъ. Другое же обстоятельство подкрѣпило это убѣжденіе: когда подписывали условія сдачи, английскимъ офицерамъ позволено было осмотрѣть нашъ лагерь и они увидѣли при всякомъ полку заготовленные въ большомъ количествѣ сани для зимнихъ перевозокъ и лопаты для разгребанія снѣга.

Можно-ли усумниться, чтобы нашъ желѣзный русский человекъ не выдержалъ турецкаго мороза?!

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

РАСТИТЕЛЬНОСТЬ, САДЫ И САДОВОДСТВО ВЪ ИМЕРЕТИИ.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ О КУТАИСѢ.

(Продолженіе.)

Вино и фрукты имеретинскіе, какъ извѣстно, славятся еще въ глубокой древности. Но когда водворилось въ здѣшнемъ краѣ русское управленіе, то оно нашло сады не въ завидномъ положеніи. Можетъ быть, они пришли въ запущеніе, отъ котораго фруктовые деревья одичали, только зрѣлыя не оказывали ни одного замѣчательнаго ихъ сорта. Незнаніе же Имеретинъ въ дѣлѣ садоводства доходило до такой степени, что они разводили виноградъ только корнями и отъ того самое число садовъ было гораздо ограничѣннѣе теперешняго. Да при томъ крестьянину не было и надобности очень заботиться о садахъ. Они не приносили никакой выгоды. Въ продажѣ ничего не поступало. Фруктовъ было много въ полѣ, вино всякій имѣлъ свое, непокупное, а если бы у кого его и не достало, то онъ пилъ его вдоволь у соседа или получалъ въ подарокъ отъ родныхъ и знакомыхъ. Да и теперь еще большая часть князей имѣетъ то совѣстается продавать вино: оно приготавливается для дома, для гостей или для разсылки пріятелямъ. У царя тоже были свои сады, но они ничѣмъ не отличались отъ житейскихъ, а потому, когда поступили (въ 1810 году) въ казенное управленіе, то стали приходить еще въ худшее положеніе. Во всякомъ же случаѣ, они никогда не могли служить образцомъ для Имеретинъ, отдаваясь на откупъ за $\frac{1}{10}$ часть урожая или за небольшую плату.

Первый шагъ въ европейскомъ смыслѣ этого слова, разведенъ въ Кутаисѣ княземъ П. Д. Горчаковымъ, который былъ правителемъ Имеретинъ около 5 лѣтъ и который оставилъ о себѣ воспоминаніе, какъ заботливый и попечительный начальникъ. Кутаисъ многимъ обязанъ князю Горчакову, и когда онъ, въ 1825 году, оставилъ Имеретию,

то подаль въ Имеретинское Временное Правленіе бумагу, о томъ: «что, устроивши, собственными издержками, на казенной землѣ садъ, онъ желалъ бы пожертвовать его городу съ тѣмъ, чтобы пользованіе онымъ предоставлено было заступающимъ его должностямъ по гражданской части, но чтобы отдача сада въ частныя руки, въ цѣломъ или по частямъ, отнюдь не допускалась; равномерно онъ не предоставляетъ никому права воспретить въ немъ прогужку желающихъ». Объ этомъ было донесено Министру Финансовъ и желаніе князя Горчакова удостоилось въ 1826 году Высочайшаго утвержденія. Садъ этотъ заключаетъ въ себѣ 2420 квадр. саж. и земля его, находясь въ центрѣ города, была оцѣнена въ 1850 году въ 6206 руб. сер., но при этой оцѣнкѣ нисколько не принималось въ соображеніе значительное количество старыхъ плодовыхъ и тѣнистыхъ деревьевъ, между которыми нельзя не замѣтить въ первый разъ явившихся въ Имеретинъ: бѣлой акаціи, гледичи, мимозы, кустовъ сирени и разныхъ розъ, которыя вступили уже теперь въ права праотцевъ кутаисскаго садоводства. Впрочемъ садъ этотъ, составивъ для города весьма важное пріобрѣтеніе, не могъ имѣть большаго вліянія на садоводство Имеретинъ, какъ потому, что онъ разведенъ былъ больше для удовольствія, нежели для экономической цѣли, такъ и потому, что туземцы не имѣли еще тогда въ виду значительныхъ выгодъ отъ улучшенія садоводства и не чувствовали потребности имѣть плоды хорошихъ породъ. По правдѣ сказать, въ послѣднемъ отношеніи они и теперь не отличаются разборчивымъ вкусомъ: бѣдятъ плоды очень много, но, по большей части, не зрѣлые. Такимъ образомъ алучь они никогда не даютъ доспѣвать, персикъ имъ нравится только тогда, когда его можно чистить ножомъ, какъ рѣпу. И этотъ вкусъ существуетъ не только у крестьянъ, но и между лицами высшаго круга. Напримеръ, у меня есть одинъ добрый пріятель, человекъ очень разумный, понимающій пользу нововведеній и желающій дать сыну хорошее воспитаніе, чтобы онъ не ботался по канашамъ, а служилъ бы вѣрой и правдой Царю. Бесѣдуя, разъ, съ этимъ пріятелемъ за обѣдомъ, я вздумалъ подарить ему молодое грушевое дерево и послалъ къ садовнику за плодами этого сорта. Груши присланы были отличныя; я думалъ, что мой пріятель не нахвалится ими и будетъ дивиться ихъ сочности и изъясности. Не тутъ-то было. Онъ началъ съ того, что очистилъ грушу столовымъ ножомъ, и потомъ, попробовавши, сказалъ: «хороши груши, очень хороши, но жаль, что переспѣли,—будь они посвѣжѣе, покрѣче,—дѣйствительно были бы отличныя груши».—Вы просто дикій человекъ, отвѣчалъ я, и какъ вамъ не стыдно любить все сырое, незрѣлое?—А я такъ дивлюсь вашему вкусу, возразилъ онъ, улыбаясь;—какъ можно любить что-нибудь перезрѣлое! По вашему даже и невѣста въ 20 лѣтъ—въ настоящей порѣ, а у насъ она старѣе; у насъ хороша невѣста въ 13—14 лѣтъ, когда она румяна и крѣпка, какъ незрѣлый персикъ.

— «Ну, о невѣстахъ я съ вами не спору;—не спору, пожалуй, и о незрѣлыхъ фруктахъ, у всякаго свой вкусъ,—но незрѣлые плоды вредны для здоровья».

— «Вредны! Кто вамъ сказалъ, что вредны? у насъ, напротивъ, они считаются лекарствомъ, и если кто занеможетъ

лихорадку, то лечится незрѣлыми персиками. — И помогаютъ? — «Отлично помогаютъ».

Послѣ этого мнѣ оставалось замѣтить и возбудить всю надежду на его сына, который, принадлежа къ юному поколѣнію, поспрививалъ уже съ удовольствіемъ на неслишкомъ молодыхъ барынь и начиналъ находить вкусъ въ зрѣлыхъ плодахъ.

Послѣ сада князя Горчакова важнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ для города Кутаиса была посадка, по распоряженію управившаго Имеретію, князя В. О. Бебутова, на городской площади нѣсколькихъ липъ, которыя послужили впоследствии основаніемъ теперешнему бульвару.

Вотъ въ какомъ положеніи Князь Воронцовъ нашелъ, въ 1845 году, садоводство Кутаисской губерніи. Сознывая всю пользу отъ развитія этой важной отрасли сельскаго хозяйства вообще для всего Кавказа, его свѣтлость обратилъ вниманіе и на Имеретію и приказалъ учредить здѣсь два образцовыхъ сада: въ Кутаисѣ и въ Озургетахъ, а въ Поті рассадникъ лимонныхъ и померанцевыхъ. Сверхъ того, заботы о развитіи здѣсь какъ садоводства, такъ и вообще сельскаго хозяйства онъ поручилъ имеретинскому старожилу, Англичанину Марру, который научилъ гурійскихъ крестьянъ разводить виноградъ черенками. Бывшій губернаторъ, генералъ Бѣляевскій много хлопоталъ по дѣлу садоводства; при немъ вывезены были изъ Крыма въ городской садъ разные сорта винограда и отличныхъ фруктовыхъ деревьевъ, а также экзотическія растенія. Городская площадь была имъ разбита на клумбы и усажена мѣстными, зелеными растеніями. Но по недостатку хорошаго садовника, дѣло это подвигалось медленно и честь положить здѣшнему садоводству правильное и точное основаніе—выпала на долю послѣдующаго губернатора, князя Александра Ивановича Гагарина. Онъ принялся за это дѣло горячо, съ полной энергіею, какъ знатокъ и любитель. Вообще, всѣ свободныя отъ служебныхъ занятій минуты посвящаются княземъ, въ видѣ отдыха и удовольствія, или садоводству или городскимъ постройкамъ. Бывъ, передъ тѣмъ, губернаторомъ въ Дербентѣ, князь Гагаринъ и тамъ устроилъ два сада.

Но коснувшись до сада дербентскаго, я не могу не вспомнить моего друга, тамошняго садовника, подъ руководствомъ котораго я вздумалъ было приложить къ практикѣ когда-то проходившую мною и уже забытую ботанику. Позвольте мнѣ познакомить его съ вами.

Онисимъ Ивановичъ былъ рекомендованъ изъ Астрахани, какъ отличный садовникъ; но, по пріѣздѣ въ Дербентъ, оказался ни болѣе ни менѣе, какъ дѣльный огородникъ, въ длиннополномъ сюртукѣ-кафтанѣ, съ клинообразною бородкою и съ разсудительною рѣчью, имѣющею особенное удареніе на букву *о*. Впрочемъ, онъ, кажется, и не былъ намѣренъ прикидываться садовникомъ, а вѣхалъ въ Дербентъ собственно только за тѣмъ, чтобы сѣять добросовѣстно огурцы и капусту, а потому даже немного сконфузился, когда его привели на пустырь и сказали: «вотъ ты здѣсь, Онисимъ, долженъ развести кипарисы; тутъ посеять мимозы, тамъ сдѣлать клумбы для камелій и пеларгоній». О такихъ растеніяхъ Онисимъ никогда съ роду не слыхивалъ. Но потомъ, почесавъ затылокъ, онъ, какъ русский человекъ, скоро оправился и сказалъ довольно

роднаго театра.—и мы апплодируемъ этому событію!

Вы, можетъ быть, не знаете, что я ня слова не понимаю по-грузински... Но это, къ несчастію, фактъ, фактъ... который, однакожъ, нисколько не мѣшаетъ мнѣ находить удовольствіе въ грузинскомъ театрѣ. И знаете-ли почему? Потому что ужасно нискушалъ русский... Потому, что пріѣхавъ эти вѣдныя мимико-комедіи изъ чиновничьяго быта и водворяя изъ петербургско-воломенскаго остроумія... Потому что изобрѣженіе къ своему дѣлу такъ-вотъ и выглядываетъ изъ-за кулисъ русской сцены... Потому, что вѣтъ ни оригинальности, ни новизны въ представленіяхъ русской труппы... Потому, наконецъ, почему послѣ обрусившихъ *фензеровъ* и *фрикасеевъ* французско-нижегородской кухни, намъ непременно понравится безискусственно-простой, но вкусный и сытный здѣшний *плавъ*, или дѣвственно-бѣлый осетинскій *сыръ* съ ароматическими травами, или кипящій и рдѣющій жизнью *шашлыкъ*, особенно, если всѣ эти туземныя произведенія неспорченнаго вкуса будутъ орошены чистѣйшимъ хакетинскимъ напиткомъ, вмѣсто прокислаго шато-лафита или конякообразной мадеры... Сравненіе немножко не поэтическое, но вы оцѣните его точность.

Если же отбросить въ сторону всякую шутку,—то и выйдетъ, что въ грузинскій театръ, не смотря на всю первобытную его простоту и даже бѣдность, можетъ и долженъ ходить всякій, кто ищетъ новизны и оригинальности, кто дорожитъ искренностью въ сочувствіи зрителей, кто уважаетъ въ артистахъ добросовѣстное, сопровождаемое чистой любовью къ искусству, и если не совершенное, то посылно-усердное исполненіе своего дѣла. А это-то самое — я (и не одинъ я) нахожу въ театрѣ грузинскомъ и очень часто напрасно отыскиваю въ русскомъ... Надо посмотрѣть (и порадоваться бы ваше сердце), какъ дрожитъ весь маленький грузинскій театръ отъ задушевнаго, широкаго хохота зрителей при игрѣ г. Абрамидзе! Надо понять это

восторженное восхищеніе, въ которое приводятъ всю публику, напримеръ, граціозный, цѣломудренно-стыдливый танецъ д-цы Узнадзе, или ея-же монотонная, но до крайности наивная и трогательная пѣсня... Или, напримеръ, заливанья персидскаго солонья Сатаръ-Аги... Все это намъ, Русскимъ, чуждо и непонятно только сначала, но вглядимся попристальнѣе, и увидимъ во всемъ этомъ нестоящимъ сокровища новизны, оригинальности и самобытнаго народнаго характера. А гдѣ найдете вы все это, кромѣ Тифлиса или новаго тифлискаго народнаго театра?.. Нигдѣ! Если же вы сообразите, что всему этому предстоитъ длинная перспектива развитія и усовершенствованія, т. е. *жизни*, между тѣмъ какъ для тифлискаго русской сцены, по видимому, не предстоитъ уже никакой жизни, ничего новаго въ будущемъ,—тогда вы поймете, что можетъ заставить даже и русскаго тифлискаго жителя порою предпочесть русскому спектаклю грузинскій и пожелагъ ему всякаго успѣха.

Предоставляю другимъ, туземнымъ, критикамъ войти въ подробный разборъ дарованій грузинскихъ артистовъ,—я этого сдѣлать не въ силахъ по незнанію грузинскаго языка, да и не считаю нужнымъ, потому что строго судить о самородныхъ, *неученыхъ* артистахъ было бы несправедливо, а поверхностно говорить о нихъ совершенно бесполезно. При томъ же вы, князь, лучше меня знакомы съ ихъ дарованіями. Но не могу пройти молчаніемъ тѣ впечатлѣнія, которыя возбудили во мнѣ сожалѣніе о вашемъ отсутствіи.

Что бѣденъ и некрасивъ новорожденный театръ, это еще ничего! Онъ будетъ красивѣе, когда будетъ богаче, а богаче онъ сдѣлается непременно, если только продлится нынѣшнее къ нему сочувствіе публики... Но только вотъ вопросъ: кто поддержитъ это сочувствіе? Кто обогатитъ грузинскій репертуаръ, который, кажется, еще бѣднѣе самаго театральнаго помѣщенія? кто, собственнымъ примѣромъ, вызоветъ къ сценическимъ сочиненіямъ молодыхъ

туземныхъ писателей? Кто, просвѣщеннымъ вліяніемъ своимъ, поддержитъ единство въ распоряженіяхъ? кто, своимъ вкусомъ и знаніемъ, направитъ самородныя дарованія?... Кто-же, если не вы, князь, можетъ принять на себя всѣ эти заботы? Я незнакомъ съ гг. распорядителями возобновленнаго грузинскаго театра; но, признаюсь, мнѣ кажется, что въ его устройствѣ, украшеніи и содержаніи, даже и при имѣющихся скудныхъ средствахъ, могло бы быть менѣе небрежности и болѣе скромнаго изящества... Повторяю: не нужно, пока, роскоши; но необходимъ порядокъ или хоть отсутствіе безпорядка. Неужели, напримеръ, нельзя зажигать *всѣ* свѣчи въ люстрѣ, вмѣсто *половины*, какъ это теперь иногда дѣлается? или ужъ завести люстру, требующую половиннаго количества свѣчей? Неужели вѣтъ средствъ къ печатанію болѣе опрятныхъ и грамотныхъ афишъ, въ которыхъ не встрѣчался бы какая-то *неми-лордная любовь*, вѣроятно вмѣсто *немилосердал любовь*, и т. п.? (см. афишу 2-го представленія, 20 ноября). Неужели занавѣсъ не могъ бы подниматься съ меньшими затрудненіями, и т. д. и т. д.? Все это, конечно, бездѣлицы, но съ одной стороны онѣ обличаютъ небрежность, а съ другой заставляютъ опасаться за прочное существованіе учрежденія, которое и неоспоримо-полезно для народа, для его нравовъ и языка,—да и составляетъ какъ-бы предметъ гордости современнаго туземнаго поколѣнія, при которомъ если ужъ началось, такъ должно-бы и поддерживаться и процвѣсти доброе дѣло!

Z.

ПОПРАВКА.

Въ 97 № вкрались слѣдующія опечатки: въ оглѣдѣ объявленій, вмѣсто гостиница *Влади-Карес*, должно быть *Владикарес*; въ извѣщеніи о Тифлисскомъ театрѣ вмѣсто 11 октября нужно читать 11 декабря.

твердо: «Слушаю-сь! отчего не исполнить? можно-сь, дѣло не трудное!»—Скоро и отлично вошелъ онъ въ свою новую роль, хотя никакимъ образомъ не могъ отвыкнуть отъ предпочтенія огурцамъ и капустѣ и, что ему ни говорили, постоянно отводилъ для нихъ и лучшую землю и первую поливку.

— Я не знаю, что это князь не любитъ капусты и огурцовъ, говоритъ онъ мнѣ съ собогднованіемъ и откровенно, какъ своему покорному ученику; «да и въ цвѣтахъ у него, сказать вамъ поистинѣ, какой-то особенный вкусъ; малыши ему вишь что-то не нравятся, ноготки и бархатцы тоже. И бальзаминъ не хвалитъ. А что толку въ этихъ крымскихъ цвѣтахъ-то?»

Но впоследствии Онисимъ сталъ привыкать и къ цвѣтамъ крымскимъ и даже, заинтересовавшись ими, сталъ изучать ихъ номенклатуру, хотя въ послѣднемъ случаѣ перѣдко сбивался съ толку и *мимозу-пудикку* или *петроу мени* называлъ *незамей мени*. *Hibiscus*—звалъ *епискупъ*, *Chrysanthemum*—*крыжантъ*. *Careopsis* онъ преобразовалъ въ *червопчики*, *Gomphrena globosa* въ *пуговки*, *Portulacca speciosa* въ *жирную травку*, доказывая, что послѣдній названія лучше *нѣмецкихъ*, потому что понятнѣе и ближе къ дѣлу. Плодовитыя деревья больше всего заинтересовали Онисима и онъ училъ меня дѣлать прививки, но какъ самъ зналъ одинъ только родъ прививки: въ *разщепъ*, то и отвергалъ все прочіе, говоря, что они никуда не годятся и что ихъ выдумали Нѣмцы, чтобы только что нибудь выдумать новое, хотя и неужное. Вообще онъ очень не жаловалъ всѣхъ Нѣмцевъ-садовниковъ и все ихъ занятія по садоводству называлъ *пустяками*. Когда же одинъ садовникъ, дербентскій Татаринъ, доказалъ ему на опытѣ, что и другаго рода прививки, кромѣ разщепы, удаются весьма хорошо, то Онисимъ, не затруднившись ни мало, отвѣчалъ, обращаясь къ присутствовавшимъ: «Виши, хвалитса, что хорошо привилъ яблоню! Да у насъ, въ Астрахани, яблони-то и бабы прививаютъ, а вотъ ты попробуй-ка привить вишню, али персикъ, тогда я и посмотрю, какой ты *установка* садовникъ (т. е. мастеръ). А то вздумалъ хвалитса, что привилъ яблоню!» И присутствовавшіе убѣдились вполнѣ, что Онисимъ говоритъ какъ знатокъ дѣла. Хотя же, въ послѣдствіи времени, прививки персиковъ удались у него весьма плохо, но онъ объяснилъ мнѣ, что это не отъ его вины, а отъ собакъ, которыя все бѣгаютъ по саду и, какъ будто въ насмѣшку надъ нимъ, все оставиваются около черенковъ и портятъ ихъ. Не смотря, однако, на нѣкоторыя неудачи и даже промахи, Онисимъ работалъ хорошо, ко всему приглядывался и все замѣчалъ; разсуждалъ же обо всемъ всегда положительно и смѣло, а когда не могъ прямо отвѣчать на вопросъ, то отдѣлывался, какъ Пальмерстонъ въ парламентѣ, побочными исторіями, и такимъ образомъ вошелъ въ большую славу, такъ, что безъ содѣянна Онисима Ивановича ничего уже не дѣлалось у дербентскихъ любителей садоводства. И Халил-Эфенди, и Петръ Леонтьевичъ, и Егоръ Карлычъ—все прибѣгали къ нему за помощію; дамамъ онъ подносилъ букеты, мужички угощали огурчиками и рѣдскою. За то и его стали угощать, а потому и самъ онъ сталъ угощаться и когда, бывало, князь уѣдетъ изъ города, Онисимъ Ивановичъ, сдѣлавшись вѣдомымъ въ городскомъ саду, позволялъ себѣ прибѣгать къ отдыху больше обыкновеннаго. Такъ, напримеръ, возивши поутру градки и обтеревъ мокрыя руки о рубашку, онъ, бывало, говоритъ очень серьезно своему помощнику, оставшему солдату Шабельскому:

«А что, Шабельскій, напоили мы знатно цвѣты-то, теперь бы и самимъ можно выпить».

— А ништо, — дѣло недурное, — отвѣчаетъ Шабельскій. — И за тѣмъ пригели гуляютъ до ночи, и разсказываютъ тутъ Онисимъ, какія онъ чудеса дѣлалъ по садоводству въ Астрахани, какъ прививалъ грушу на вербѣ и какъ въ одномъ знатномъ саду онъ занималъ должность главнаго садовника. — А сколько же васъ тамъ было садовниковъ-то? спросилъ Шабельскій. «Да одинъ же, всего одинъ» — отвѣчалъ важно Онисимъ. Случалось иногда, что послѣ такихъ бесѣдъ и лекцій Онисимъ жаловался на головную боль, обвиняя въ этомъ дурной дербентскій климатъ, а Шабельскій ходилъ съ расквашеннымъ лицомъ, каковое обстоятельство Онисимъ приписывалъ бритью тупыми бритвами. Какъ своего ученика, Онисимъ моихъ замѣчаній не ставилъ въ грѣхъ, но когда мнѣ пришлось оставить Дербентъ, то онъ провозжалъ меня съ истинною горестію и принесъ мнѣ на дорогу два узелка—одинъ съ виноградомъ и персиками, а другой все-таки съ огурцами: «это огурцы самые молоденькіе, такихъ въ дорогѣ не сыщете; ну, прощайте батюшка, сказалъ онъ наконецъ, обнявъ меня по дружески и утирая слезу разлуки. Прошу мени не забывать, да не забывайте и садоводство. Вы теперь можете прививать и персики. Изъ Кутанса же пришлите мнѣ хорошихъ сѣмянъ *бальзамину*».— Съ тѣхъ поръ мы съ Онисимомъ болѣе уже не видались; но я слышалъ, что его вскорѣ, вмѣстѣ съ

Шабельскимъ, смѣнили... Бѣдный Онисимъ! Гдѣ-то ты теперь и что подѣлываешь? Но вы, однако, извините мени, что я, быть можетъ, слишкомъ увлекся воспоминаніемъ о моемъ наставникѣ. Но мудро ли это? Я съ нимъ провелъ столько отрадныхъ часовъ, занимаясь въ свободное время садомъ, наблюдая за всходомъ и развитіемъ новыхъ для мени растений, выкапывая и сажая своими руками большіе кусты и деревья. Намъ не мешала ни дождь, ни грязь, ни знойное солнце, и мы незамѣтно дѣлые часы проводили въ трудахъ.

— А что, Онисимъ, сказалъ я ему одинъ разъ, какое прекрасное занятіе садоводство?

— Истинно прекрасное, отвѣчалъ онъ съ удивленіемъ, опершись руками на заступъ,—особливо зимой, когда окончатся всѣ работы: никто тебя не тревожитъ никуда не требуютъ.

Но если-бы Онисимъ и не былъ моимъ наставникомъ, я все таки счелъ бы обязанностію упомянуть о немъ потому, что онъ былъ первымъ русскимъ садовникомъ въ Дербентѣ, а о дербентскомъ садѣ, въ обзорѣ дѣйствій Намѣстника Кавказскаго, князя Воронцова, по развитію сельскаго хозяйства, говорится слѣдующее: «Бывшій дербентскій военный губернаторъ генералъ-маіоръ князь Гагаринъ, по распоряженію Намѣстника, въ 1848 году приступилъ къ устройству въ Дербентѣ городского сада и разсадника разныхъ полезныхъ растений; въ три года главныя работы окончены, древесныя школки засѣяны разными сѣменами, нѣсколько сортовъ фруктовыхъ деревьевъ посажено на постоянныя мѣста и, вмѣстѣ съ виноградникомъ крымскихъ лозъ, составляютъ образцовый садъ для указанія туземцамъ на опытѣ правильнаго садоводства и преимуществъ способовъ европейскихъ предъ азиатскимъ при уходѣ за растениями. Въ городскомъ саду живописно расположены клумбы и наполнены растеніями южнаго берега Крыма. На берегу Каспійскаго моря явились: цитизусы, гледичія, бигноліи, акаціи, мимозы, иудейскія деревья, кипарисы, сотни разныхъ розъ и другія небывалыя здѣсь растенія. Дербентскій разсадникъ года черезъ три будетъ снабжать весь прикаспійскій край отличными фруктовыми деревьями, виноградными лозами и окажетъ благотворное вліяніе на развитіе садоводства въ дербентской губерніи.» Объ Онисимѣ не упоминается тутъ ни слова, а между тѣмъ во все время пребыванія въ Дербентѣ князя Гагарина тамъ другаго садовника, кромѣ моего друга Онисима Ивановича, не было.

(Продолж. въ слѣд. №.)

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Объ изданіи Записокъ Кавказскаго Общества Сельскаго Хозяйства.

Кавказское Общество Сельскаго Хозяйства, въ видахъ способствованія развитію и распространенію въ краѣ рациональныхъ и практическихъ свѣдѣній по части сельскаго хозяйства, и доставленія возможности любознательнымъ мѣстнымъ хозяевамъ слѣдить за ходомъ успѣховъ сельской промышленности, съ будущаго 1856 года приступаетъ къ изданію своихъ записокъ.

Записки Общества будутъ выходить чрезъ каждые два мѣсяца книжками отъ 4 до 5 листовъ, въ 8 долю.

Каждая книжка будетъ состоять изъ слѣдующихъ 3 отдѣловъ:

1. *Дѣйствія Общества*. Въ составъ этого отдѣла войдутъ всѣ распоряженія Общества, протоколы засѣданій Совѣта и общихъ собраній, или извлеченія изъ оныхъ.

2. *Сельское Хозяйство вообще и вспомога- тельныя науки*. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣ-

щаемы статьи, по преимуществу оригинальныя, имѣющія прямое приложеніе къ хозяйству края.

3. *Полезныя замѣтки*. Извѣстія объ открытіяхъ и нововведеніяхъ въ области сельской промышленности; замѣтки практическихъ хозяевъ, справочныя цѣны на жизненныя потребности въ главныхъ пунктахъ края, и проч. и проч.

Цѣна годовому изданію 3 руб. сер. и съ пересылкою.

Подписка принимается: въ Тифлисѣ, въ Редакціи Записокъ Кавказскаго Общества Сельскаго Хозяйства, въ Сололакахъ въ домѣ Яссамановой, и въ Ставрополѣ у Дѣйствительнаго Члена Общества агронома Дмитрія Васильевича Добровольскаго (въ Ставропольской Духовной Семинаріи.)

Иногородные подписчики благоволятъ адресовать свои требованія въ одно изъ названныхъ мѣстъ.

Первая, вышедшая въ настоящемъ году, книжка Записокъ Кавказскаго Общества Сельскаго Хозяйства продается въ Депо Кавказскаго Общества Сельскаго Хозяйства, въ Тифлисѣ; цѣна 1 руб. серебр. 3.

ФРИДРИХЪ ГЛАЗЕРЪ

имѣетъ честь извѣстить почтеннѣйшую публику, что у него продается новѣйшаго устройства

КАРЕТА,

которую можно видѣть въ Нѣмецкой колоніи у каретника *Котрини*; также открытъ имъ въ Тифлисѣ

МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ,

гдѣ можно заказывать и получать

ГОТОВЫЯ ДАМСКІЯ И ДѢТСКІЯ ШЛЯПЫ

и т. п. Кромѣ того, полученъ имъ большой выборъ новѣйшихъ нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ

галантерейныхъ вещей,

и только что получены

хорошія ганноверскія и рижскія сигары.

Честъ имѣю извѣстить почтеннѣйшую публику, что вновь открыта гостиница подъ названіемъ *ВЛАДИКАРСЪ* для благородныхъ обществъ, въ домѣ Карвелова, на Мухранской улицѣ; въ этой же гостиницѣ будутъ отдаваться номера со столомъ, мебелью и прислугою по самой умеренной цѣнѣ. 2.

ПРИБЪХАЛИ: декабря 11-го: изъ Карса генералъ-маіоръ *Ходзько* и коллежскій ассесоръ *Папарисопуло*, изъ Александрополя полковникъ князь *Орбелановъ*, подполковникъ *Биллустинъ*, маіоръ *Быковъ*, штабсъ-капитанъ *Шереметьевъ* и прапорщикъ *Петровъ*. 12-го: изъ Карса полковникъ *Кауфманъ* и штабсъ-капитанъ *Махотинъ*. 13-го: изъ Александрополя маіоръ *Шагубатовъ*.

ВЫБЪХАЛИ: декабря 11-го: въ Гори губернской секретарь *Микулинъ*. 12-го: въ Душетъ капитанъ *Бриницкій* и титулярный совѣтникъ *Триполецкій*. 13-го: въ Душетъ подполковникъ *Филипповъ*, въ Кутансѣ ротмистръ князь *Мухранскій*, въ Харьковѣ штабсъ-капитанъ *Горлицкій*, въ Александрополѣ штабсъ-капитанъ *Бабанинъ*.

Тифлисскій театръ.

Въ пятницу, 16-го декабря:

ДУГЛАСЪ ЧЕРНЫЙ—драма. МОТЯ—водевиль. Танцы.

Метеорологическія наблюденія.

Мѣсяцъ и числа по старому стилю.	Часы.	Термометръ Р°.		Смѣрность воздуха.	Барометръ при 13½ Р° Русс. полуш.и.	Направленіи вѣтра.	Состояніи неба.	Темпер. Реом.	
		Сухой.	Смоч.					Наим.	Наиб.
9-го Декабр.	7 утра.	— 3,2	— 3,4	0,95	582,72	В. оч. слаб.	Пасмурно мелк. снѣгъ.	— 3,8	— 1,2
	1 попол.	— 1,4	— 1,8	0,91	581,20	ЮВ. оч. слаб.	Облачно мелк. снѣгъ.		
	9 вечер.	— 3,7	— 3,8	0,97	581,94	В. оч. слаб.	Туманъ.		
10-го Декабр.	7 утра.	— 4,2	— 4,4	0,94	579,42	СВ. оч. слаб.	Пасмурно и туманъ.	— 4,7	— 1,8
	1 попол.	— 2,0	— 2,4	0,90	577,97	Тихо.	Пасмурно.		
	9 вечер.	— 7,0	— 7,1	0,97	577,58	Тихо.	Ясно.		
11-го Декабр.	7 утра.	— 7,8	— 8,0	0,93	578,65	СВ. оч. слаб.	Обл. разс.	— 8,5	— 4,0
	1 попол.	— 4,5	— 5,0	0,87	578,19	С. оч. слаб.	Обл. перистые.		
	9 вечер.	— 7,4	— 7,6	0,93	579,20	С. уятр.	Ясно.		
12-го Декабр.	7 утра.	— 6,8	— 7,3	0,84	580,00	СЗ. слаб.	Обл. разс. и ишай.	— 8,2	— 4,2
	1 попол.	— 5,0	— 5,6	0,83	580,89	СЗ. слаб.	Обл. разс.		
	9 вечер.	— 8,0	— 8,0	1,00	581,55	СЗ. оч. слаб.	— — —		

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

ТИФЛИСЪ. 14-го Декабря 1855. Цензоръ А. ЭБЕЛИНГЪ. Въ Типографіи Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго. Редакторъ Е. ВЕРДЕРЕВСКІЙ.